

Заключение

В послереволюционные годы происходила миграция дворянства и интеллигенции из Петрограда и Москвы из-за голода, холода, опасности ареста, иногда – из-за потери жилья или «уплотнения». Дворяне покидали усадьбы, опасаясь за свою жизнь, или по распоряжению властей. Но что же привлекало людей именно в Сергиев Посад, помимо очевидной близости к Москве?

Троице-Сергиева лавра с окрестными скитами являлась одним из центров духовной жизни России. К Лавре стекались в тяжелые времена верующие. Можно утверждать, что в Посад приехали после революции глубоко религиозные люди. Для атеистически настроенной интеллигенции он особого интереса не представлял. В некоторых случаях причина выбора этого города очевидна. В других, – на первый взгляд, переезд обусловлен чисто бытовыми причинами. Так, Сергей Иванович Огнев писал, что его отец, профессор Московского университета, мать и старший брат Александр переехали в Сергиев посад в 1919 году, «так как в московской квартире, за недостатком топлива, перестало работать центральное отопление, и не было газа». Однако из рассказа дочери П.А. Флоренского Ольги Павловны Трубачевой следует, что первой приехала в Посад жена профессора Софья Ивановна и «сняла комнату, чтобы помолиться в Лавре». А когда приехали муж и сын, то уже сняли весь этаж в том же доме.

Значительную роль при выборе нового места жительства, несомненно, играли родственные и дружеские связи. Почти все приехавшие общались между собой – кто больше, кто меньше. Ю.А. Олсуфьев, П.А. Флоренский, С.П. Мансуров, В.Д. Дервиз, А.Н. Свиринов, М.В. Шик, В.А. Комаровский работали в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Те, кто не был знаком раньше, в маленьком городе узнали друг друга, ходили в гости, устраивали елки для детей. Кроме родства и старой дружбы, их объединяла общность духовных интересов, православная вера и, конечно, общие нравственные представления. Таким образом, в 1920-е годы в Сергиевом Посаде образовалась диаспора интеллигенции, в которой очень высока была доля людей, обладающих религиозным чувством – своего рода феномен, которого, видимо, не было в других городах. В дальнейшем оказалось, что так называемый «ген религиозности» эти люди передали своим детям.

Приехавшие, как правило, были людьми весьма образованными. Не только уровень образования, но и серьезные духовные интересы, высокая культура, обусловленная в значительной мере тем, что эти люди выросли в семьях с культурными традициями, позволили многим из них найти в Сергиевом Посаде применение своим силам. Это и работа в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, Сергиевском историко-художественном музее и Музее местного края, и преподавание в открывшемся в городе Педагогическом техникуме и в школах. Значительная часть приезжих занималась творческой деятельностью: наукой, литературой, живописью. И, конечно, многим приходилось заниматься непривычной работой для заработка.

Большинство приезжих нашли в себе силы жить и трудиться в новых условиях. «В их лексиконе, как сказал сын М.В. Шика Дмитрий Шаховской, не было слова “не могу”. Раз нужно, значит – можно».

Коренные посадцы, можно сказать, относились к приезжим более или менее терпимо. В столице, например, положение «бывших» было зачастую много тяжелее. Многоквартирные дома в Москве были национализированы, и уплотнение квартир шло полным ходом. Один из жителей Арбата вспоминал о новых жильцах таких коммуналок: «...темные мужики и бабы, замачивавшие белье в ваннах, коловшие дрова на инкрустированном паркете и люто нелюбившие тех, кому это не нравилось». А в Посаде большинство домов были частными. Приезжие чаще всего снимали часть дома, так что антагонизма, характерного для коммуналок, не возникало.

В 1925 году прошла первая волна арестов и отъездов «бывших», в 1928 году – вторая, в 1933–1934-ом – третья. Как правило, арестованные получали по приговору определенное место административной высылки или «минус», то есть запрещение жить в ряде местностей. Многие из них были расстреляны в 1937–1938 годах.

Несмотря на неблагоприятные условия жизни бывших, порой крайнюю бедность, несмотря на сложности с получением образования, несмотря на репрессии, сиротство, почти все дети лиц, входивших в сергиевскую диаспору интеллигенции, стали высокообразованными людьми. Преобладающими стали у них профессии, находящиеся на стыке точных и гуманитарных наук: геолог, горный инженер, биолог. Дети расстрелянных отцов защищали Родину – им было свойственно понятие чести, не позволявшее уклониться от выполнения долга.

Режиму не удалось полностью разорвать связи между детьми «бывших», живших в Сергиевом Посаде. Это нельзя объяснить только родством, часто весьма далеким, или памятью детства. Прочность таких связей обусловлена, видимо, сходным пониманием нравственных ценностей, возможно, «геном религиозности».

Дети «бывших» чтут память своих предков. И ощущают свою собственную жизнь частицей истории нашей страны. Многие из них написали мемуары, сохранили труды предков и способствовали их публикации

Люди, названные при советской власти «бывшими», составляли энергичное и одаренное меньшинство народа. Их судьбы являются ярким примером того, что люди от природы не равны. Они потеряли после революции титулы, посты, богатство, но не озлобились. Своим трудом стремились принести пользу обществу. А те, кто захватил власть, инстинктивно чувствовали их отделенность, их высокий интеллектуальный и нравственный уровень и потому смотрели на них с враждебностью.

«Бывшие» стали жертвами террора именно потому, что были лучшими.

Известно, что народ, «побивающий камнями» своих интеллектуалов, платит за это страданиями и нищетой.